

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Боришполец К.П.

В статье показывается, что многовекторные реалии регионального развития в Центральной Азии имеют значительную международную проекцию. Автор проводит анализ форматов международного сотрудничества в этом регионе, включающий в себя как двусторонние, так и многосторонние отношения региональных и нерегиональных партнеров.

Современная обстановка в странах Центральной Азии представляет достаточно разнородную картину. Тем не менее Центральноазиатский регион остается единым сегментом мирового пространства, играющим важную роль в международном взаимодействии. Учитывая стратегический уровень сотрудничества с центральноазиатскими государствами, целесообразно усилить внимание к следующим общим моментам в их развитии.

I. ВОДОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Водохозяйственные проблемы стран Центральной Азии традиционно являются болевой точкой регионального сотрудничества. Несмотря на преодоление наиболее опасных противоречий в сфере вододелиения, водопользования и экологии водных ресурсов, обострившихся на рубеже XXI века, конфликтный потенциал «водного вопроса» остается по-прежнему высоким. Кроме того, на современном этапе он приобретает новое измерение в контексте перспектив использования центральноазиатских водных ресурсов в интересах КНР, Афганистана и Пакистана.

В этой связи водохозяйственные проблемы стран Центральной Азии выступают важным фактором не только региональной, но и мировой политики.

1. Особенности водного потенциала Центральной Азии

Ценность воды как глобального ресурса

человеческого развития широко обсуждается на уровне различных институтов, в публикациях и дискуссиях¹. Эти обсуждения демонстрируют, что, как правило, наибольшей остротой в контексте международных процессов обладают ситуации, где переплетаются региональные и национальные аспекты водопользования. На фоне быстро растущих потребностей в воде они создают внушительный спектр конфликтных проблем во взаимоотношениях соседних стран. Нередко их урегулирование затрудняется тем, что внимание общественности, да и самих диспутантов, концентрируется на логике обмена формальными аргументами, а специфика природной составляющей водных ресурсов отходит на второй план. Подобное смещение акцентов весьма распространено в международной среде и, к сожалению, периодически воспроизводится и на центральноазиатском направлении. Тем не менее именно общая характеристика водных ресурсов в Центральной Азии является отправной точкой для понимания возможностей, данных Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Туркмении и Узбекистану, как объективная реальность.

Хотя Центральная Азия имеет стойкую репутацию региона с засушливым климатом, здесь протекает несколько крупных и множество мелких рек, расположены сотни естественных и искусственных водоемов, резервуары подземных вод. В целом, они создают водные запасы, оценивающиеся примерно в 170—180 тыс. км³, и в целом обеспечивает условия

для проживания более чем 50 млн человек.

Водный потенциал Центральной Азии формируется прежде всего за счет поверхностного водостока нескольких трансграничных рек. В их числе – Аму-Дарья и Сыр-Дарья (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Талас и Чу (Казахстан и Киргизия), Или (Казахстан, КНР), Тарим (Таджикистан, Киргизия, КНР), Иртыш (КНР, Россия, Казахстан), Тобол, Урал, Ишим (Россия, Казахстан). По объемам площадей водосбора и водосброса первое место занимает Аму-Дарья, а второе – Сыр-Дарья. Совокупный сток двух главных рек региона составляет 100–120 км³/год, обеспечивая потребности около 80% населения Центральной Азии. Сыр-Дарья – первая по длине и вторая по водности река в Центральной Азии. Длина реки составляет 3 019 км, площадь бассейна 219 тыс. км². Основная часть (75,2%) стока Сыр-Дарьи формируется на территории Киргизии, 15,2% – на территории Узбекистана, 6,9% – в Казахстане и 2,7% – в Таджикистане. Длина Аму-Дарьи составляет 2 540 км. Как и Сыр-Дарья, Аму-Дарья в нижнем течении теряет много воды на ирригацию. Основной сток Аму-Дарьи (74%) формируется на территории Таджикистана, 13,9% – на территориях Афганистана и Ирана и 8,5% – на территории Узбекистана. Общий среднегодовой сток всех рек в бассейн Аральского моря составляет 116 км³. Этот объем включает 79,4 км³ стока Аму-Дарьи и 36,6 км³ стока Сыр-Дарьи. Согласно вероятностному распределению стока – 5% (многоводный год) и 95% (засушливый год) – для Аму-Дарьи годовой сток изменяется от 109,9 до 58,6 км³ и для Сыр-Дарьи – от 51,1 до 23,6 км³.²

Кроме трансграничных рек большую роль в системе региональных водных ресурсов играют крупные озера и водохранилища. Наиболее значительными озерами считаются Айдар-Арнасайское озеро, имеющее объем более 20 км³, Сарыкамыш – объем около 100 км³, Соленое, Судочье и др. Особым вниманием экспертов пользуется озеро Сарез (Таджикистан), расположенное на высоте около 3 000 м над уровнем моря. Оно образовалось примерно сто лет назад в результате мощного горного обвала и с тех пор представляет постоянную угрозу наводнения. В случае прорыва естественной плотины под водой окажется площадь равная 69 тыс. км² на территории Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Афганистана, на которой проживает около 5 млн человек. Хотя чаша Сарезского озера существует не один десяток лет и за ее состоянием ведется специальное наблюдение, опасность прорыва нельзя полностью игнорировать. Нештатные ситуации

в связи с сейсмической активностью, повышенной нормой осадков или деятельностью террористических организаций могут оказаться толчком к беспрецедентной водной катастрофе.

Наряду с естественными водоемами неотъемлемой частью центральноазиатских водных ресурсов являются резервуары искусственного происхождения, такие как Токтагульское водохранилище в Киргизии, Каракумское водохранилище в Таджикистане и Шардарьинское водохранилище в Казахстане. Значительную роль играет построенный еще в советский период водоканал «Достык», головные сооружения которого находятся на территории Узбекистана. Воды искусственных резервуаров используются как для нужд ирригации, так и для выработки электроэнергии и очень значимы для обеспечения регионального водопользования³.

В 1992 году было подписано Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменией «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников», в котором страны договорились уважать «сложившуюся структуру и принципы распределения» и основываться «на действующих нормативных документах по распределению водных ресурсов межгосударственных источников». В 1998 году было заключено Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сыр-Дарьи» (Таджикистан присоединился к Соглашению в 1999 году), которое призвано выработать механизмы взаимовыгодного использования водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сыр-Дарья. Однако выраженный трансграничный характер центральноазиатского водопользования осложняет регулирование регионального водного потенциала в режиме, поддерживающем естественное возобновление.

Дисбаланс между природными ресурсами и экономической деятельностью человека самым наглядным образом проявился в связи с кризисом Аральского моря, потерявшего к началу нынешнего века три четверти своего объема. Масштабы Аральского кризиса означают не только исчезновение очень важного с экономической точки зрения водного объекта, но и необратимое ухудшение климата даже на отдаленных от него территориях.

Значительную роль в борьбе с последствиями катастрофического уменьшения Аральского моря

Международные отношения

играют как усилия Казахстана и Узбекистана, так и международные проекты. В нескольких десятках гуманитарных программ на этом направлении активно участвуют ЮНИСЕФ, Красный Крест, Всемирный банк и еще более десятка различных организаций. Однако усилия центральноазиатских государств и представителей международных кругов направлены в первую очередь на поддержку населения прибрежных районов, а не на ликвидацию главных причин экологической катастрофы – сокращения стока рек. В целом же, ситуация с Аралом является во многом показательной. Она демонстрирует несостоятельность надежд на быстрое решение острых региональных проблем за счет внешних ресурсов и предполагает концентрацию дополнительных усилий на поисках внутренних резервов, в частности, на путях модернизации системы орошения сельскохозяйственных угодий, обращения к водосберегающим технологиям, повышения внимания к подземным водным резервуарам⁴.

При всей своей драматичности Аральский кризис не исчерпывает всех противоречий в сфере использования водного потенциала Центральной Азии. Нехватка воды для хозяйственных и бытовых нужд становится все более существенной во всех странах региона⁵. Вторым по значению субъектом регионального водопользования является гидроэнергетика. Но ее развитие сдерживается технологическими параметрами сезонного регулирования стока в интересах аграрного сектора⁶. Крупные гидроэнергоузлы Киргизии и Таджикистана, стран, на территории которых формируется основная часть водного потенциала региона⁷, работают главным образом в режиме обеспечения систем ирригации соседних государств. Это препятствует использованию запасов воды киргизских и таджикских водохранилищ для производства электроэнергии в зимний период и не только блокирует перспективы ее экспортных поставок, но также создает все большую напряженность в плане удовлетворения внутренних энергетических потребностей обеих стран. В особенно трудном положении уже несколько лет находится население Таджикистана, где в зимний период даже в столице установлено веерное отключение электричества.

Особенно тревожно перспективы использования водного потенциала Центральной Азии выглядят при рассмотрении их через призму человеческого фактора. Если в начале XX века на душу населения в регионе приходилось почти 0,6 га орошаемых земель, то сегодня эта величина в среднем составляет менее чем 0,2 га, а в Узбекистане – менее 0,17 га. Показательно, что

в 1960—2000 годах площадь орошаемых земель увеличилась в 1,8 раза, но этого оказалось недостаточно, чтобы снизить перенаселение в сельской местности.

Таким образом, характеристики водного потенциала Центральной Азии не позволяют поддерживать существующую модель освоения его ресурсов. В силу активного таяния ледников Памира, установившихся малоснежных зим и роста демографической нагрузки на природную среду они теряют качества, необходимые для естественного возобновления, и не отвечают задачам консолидации условий устойчивого экономического развития всех стран региона.

2. Противоречия водно-энергетического баланса в Центральной Азии

В силу неравномерности распределения водного потенциала Центральной Азии регион четко делится на богатые водными ресурсами страны (Таджикистан и Киргизия) и зависимые от них в поступлении воды Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Если Киргизия контролирует бассейн реки Сыр-Дарьи, то Таджикистан – Аму-Дарьи. Объективная нехватка водных ресурсов и конкуренция в сфере водопользования в последние годы приобрели особую значимость. Целенаправленные усилия по разрешению водных проблем в многостороннем формате позволили предотвратить эскалацию локальных конфликтов, но не привели к преодолению основных межгосударственных противоречий по водному вопросу, несмотря на проекты его «увязки» с энергетической проблематикой. Центральноазиатский водный вопрос имеет и российскую проекцию. Россия заинтересована в данной проблеме как ведущий член ЕврАзЭС и страна, чьи компании планируют крупные гидроэнергетические проекты в Центральной Азии.

В целях решения практических задач рационального управления центральноазиатскими водными ресурсами, в частности, увязки водноэнергетических режимов бассейнов рек с режимом потребления электроэнергии и инвестициями, дополнительного внимания заслуживают прежде всего моменты, отражающие углубление кризиса всего центральноазиатского водохозяйственного комплекса. К настоящему времени в хозяйственный оборот включено до 90% водных ресурсов, которые расходуются главным образом в аграрном секторе. С учетом роста населения потребность в воде к 2015 году может увеличиться на 20%. по сравнению с первой половиной нынешнего десятилетия. Другими словами, в абсолютных показателях водные ресурсы в Центральной Азии в ближайшие годы будут сокращаться, а сохранение современного уровня

годового потребления воды в размере 5—6 тыс. литров на человека превратится в невыполнимую задачу. Одновременно, в силу неравномерности распределения формирующих источников, 80% регионального водостока и ряд крупных гидротехнических сооружений сосредоточены на территории Киргизии и Таджикистана. Каждая из этих «горных» стран использует для собственных нужд менее 10% от общего количества воды и стремится к существенным материальным компенсациям со стороны «равнинных» потребителей – прежде всего, Узбекистана и Казахстана. Нарастающая на этой основе конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов трансграничного водопользования тормозит переход к рациональной эксплуатации водных ресурсов⁸.

Гидроэнергоузлы Киргизии и Таджикистана, регулирующие основной режим подачи воды, в основном ориентированы на потребности аграрного сектора соседних стран. Если они будут работать в энергетическом, а не в ирригационном режиме, то есть наиболее интенсивная эксплуатация водохранилищ будет происходить не летом, а зимой, Киргизия и Таджикистан получают существенный прирост производства электроэнергии и возможности ее крупных экспортных поставок. Максимальная эксплуатация водохранилищ в летний период не выгодна ни Киргизии, ни Таджикистану, но это пока жизненно необходимо для их «равнинных» соседей, которые продолжают получать воду с территории «горных стран» практически бесплатно. Хотя в фокусе главных противоречий регионального водопользования находится Узбекистан, к которому адресованы основные претензии Киргизии и Таджикистана, в сферу конфликтного взаимодействия постепенно «втягиваются» Туркмения и Казахстан, которые стремятся укрепить свой потенциал путем односторонних шагов.

Специфика водноэнергетического баланса Центральной Азии обусловила острые дискуссии относительно введения рыночных механизмов управления региональным взаимодействием на этом направлении. Тем не менее они не привели к существенному сближению интересов аграрного и энергетического секторов региональной экономики. Все вопросы водноэнергетического баланса – аккумуляции гидроресурсов для их дальнейшего использования в ирригационный период, использование запасов воды для ГЭС и потенциальные проекты расширения водопользования в каждой из центральноазиатских стран используются в качестве рычага давления на соседей.

Пробуксовка достижения договоренностей связана с политическим контекстом профильного

диалога. На фоне низкого жизненного уровня населения системный кризис водопользования не рассматривается правящими кругами центральноазиатских государств как непосредственный вызов политической стабильности. Гипотетические варианты обострения обстановки в связи с нехваткой воды или электричества традиционно будут «переадресованы» соседним странам. Стратегические риски, в частности ускоренное истощение всех видов природных источников воды (как наземных, так и подземных), беспрецедентные потери в сфере водопользования (от четверти до половины поступающей в аграрный сектор воды), ухудшающаяся экология (Арал, таяние ледников, опустынивание, засоление почв), рост цен на энергоносители и некоторые другие проблемы учитываются в системе принятия решений, но носят пока факультативный характер, тем более что необходимые материальные средства для их преодоления отсутствуют. В целом же по относящимся к 2005 году международным оценкам, общие потери всех стран региона, связанные с неэффективным управлением водным потенциалом, составляют 1,7 млрд долл. или 3% ВВП, что не воспринимается как катастрофический показатель. Другими словами, современная разбалансированность водохозяйственного комплекса Центральной Азии не испытывает давления временных параметров для достижения урегулирования и дискуссии по оптимизации регионального водопользования вполне могут продолжаться за пределами краткосрочной перспективы.

В то же время состояние хронического дисбаланса регионального водно-энергетического комплекса ведет к ухудшению перспектив разработки соглашений. Нарастающая на его основе конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов центральноазиатских государств создает предпосылки стихийного расширения эксплуатации водных ресурсов всеми государствами региона и, следовательно, сокращения сроков исчерпания природных источников.

Таким образом, водные ресурсы Центральной Азии формируют комплекс вызовов стратегического и тактического плана, преодоление которых потребует очень больших материальных затрат и принципиального изменения подходов к водопользованию. Пока ситуация продолжает развиваться в режиме «отложенных катастроф», причем возможности торможения кризиса целиком лежат в плоскости управленческих решений. При этом необходимо учитывать, что речь идет не о спектре конкретных противоречий, а о конфликте национальных программ развития всех центральноазиатских государств.

Международные отношения

---

3. Различия страновых подходов к интеграционным начинаниям

Энергетика и вода являются объективной основой интеграции в Центральной Азии. Межгосударственное сотрудничество в этой сфере выступает необходимым условием повышения продовольственной независимости, энергетической самодостаточности, расширения экспортного потенциала, концентрации инвестиционных ресурсов. Однако решения, достигнутые в рамках ЕврАзЭС о формировании механизма взаимодействия в освоении потенциала Сырдарьи и Амударьи и регулировании водно-энергетического режима этих трансграничных водных артерий, пока полностью не реализованы.

Помимо острой конкуренции по поводу потребления трансграничных водных стоков, существующей между Узбекистаном и Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном сохраняются разногласия в отношениях Казахстана с Киргизией, Узбекистана с Туркменией, периодически расходятся позиции Киргизии и Таджикистана. При этом сближение позиций, как это имело место между Казахстаном и Киргизией, а также Узбекистаном и Туркменией, является важным, но не исчерпывающим условием продвижения многосторонних договоренностей. Характерно, что бедные углеводородными ресурсами Таджикистан и Киргизия постоянно демонстрируют готовность резко сократить размеры водостока для нужд земледелия, причем урегулировать очередную виток конфликта удастся только в самый последний момент. В целом, все страны региона предъявляют свои права на воду, которая пока остается бесплатным ресурсом с неурегулированными представлениями о его топливном эквиваленте.

Межстрановые расчеты по энергетическим поставкам выступают самым существенным камнем преткновения при решении водных вопросов, причем особенно жесткую позицию занимает Узбекистан, который с трудом идет на компромиссы со своими соседями. Но в целом противостояние между ключевыми «поставщиками» воды (Таджикистан и Киргизия) и ее основными «потребителями» (Узбекистан, Казахстан и Туркмения) не привели к формированию устойчивых коалиций по водной проблематике, что усложняет ее конфликтную конфигурацию. Особенно тревожным признаком является ориентация стран региона на разные правовые модели регулирования водных ресурсов, акцент киргизской и таджикской сторон на положения Дублинской конвенции 1992 года в противовес принятому на региональном уровне «бассейновому» (интегрированному) принципу,

приоритет которого особенно жестко отстаивает Узбекистан.

Преодоление противоречий между странами Центральной Азии путем многосторонней координации пока происходит достаточно медленно. Достигнуть сбалансированного соглашения при сохранении существующих объемов потребления водных ресурсов невозможно. В то же время любой проект по изменению природных или хозяйственных факторов потребует не только крупных инвестиций, но и, как минимум, трех-пятилетнего срока реализации, в период которого разновекторность позиций центральноазиатских стран будет сохраняться. При этом существующее положение дел работает преимущественно на интересы Узбекистана и укрепление роли президентской группировки в среде его правящих кругов. В то же время поэтапный путь к более сбалансированному региональному управлению водными ресурсами усиливает внутривнутриполитическое давление на президентские команды Таджикистана и Киргизии.

Противоречия водопользования центральноазиатского региона сохраняются в среднесрочной перспективе как политический фактор. Более того, продолжение существующей неопределенности повсеместно подпитывает конкуренцию различных группировок национальных элит. Часть правящих кругов сохраняет иждивенческие настроения по отношению к российским ресурсам. В то же время существуют настроения в пользу поиска внерегиональной поддержки. Другими словами, конфликтные предпосылки водопользования все более тесным образом соединяют внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы развития в Центральной Азии.

4. Препятствия на пути принятия стратегических решений

Опыт многостороннего сотрудничества в вопросах водопользования центральноазиатских стран носит противоречивый характер. Часть центральноазиатских экспертов полагает, что ряд вопросов в отношении справедливого раздела водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии уже решены в двустороннем порядке, а решение других в недалеком будущем будет достигнуто в рамках ЕврАзЭС⁹. Однако спектр проблем, которые нуждаются в сбалансированном регулировании, как и список невыполненных решений, остаются еще значительными.

Наметившиеся в последнее время перспективы расширения профильного сотрудничества центральноазиатских стран по линии ЕврАзЭС сложны в плане практической реализации. К числу их уязвимых моментов следует отнести, во-первых,

попытки достигнуть жесткого нормативного регулирования всего комплекса вопросов создания регионального водно-энергетического баланса, а, во-вторых, высокую степень ориентации на представления крупного бизнеса об оптимизации своего участия в реализации проекта. В этой связи правящие круги центральноазиатских государств опасаются превращения в сугубо виртуальных распорядителей водно-энергетических ресурсов, которые будут регулироваться наднациональными механизмами.

Кроме того, развязки, предпринимаемые в формате технократического решения, не учитывают многие актуальные внутривнутриполитические риски, с которыми сталкиваются центральноазиатские лидеры. В каждой из стран Центральной Азии сложились группы интересов, делающих ставку на получение чисто корпоративных преимуществ, как в нынешних условиях, так и в процессе интеграционных изменений. Это обстоятельство, наряду с недостаточной подготовленностью профильных учреждений, сохранится на протяжении длительного времени. Несмотря на жесткость административной вертикали, многосторонние компромиссные договоренности в формате президентских команд будут вызывать недовольство со стороны «среднего звена» правящих кругов и проецироваться на клановую конкуренцию в высших эшелонах власти. Соблюдение квот, расценок и сезонных схем регионального водопользования оказывается, таким образом, в зависимости не только от технических противоречий перехода к рыночным расчетам за воду и топливо, но и от баланса внутривнутриполитических сил в каждой из центральноазиатских стран, прежде всего в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В случае активизации действий по достижению многосторонних договоренностей в особенно сложном положении может оказаться «ташкентская группировка» в руководстве Узбекистана, которая является одной из наиболее влиятельных в среде правящих кругов этой страны.

К трудностям многостороннего регулирования центральноазиатского водопользования следует отнести и различия в представлениях внешнеполитических партнеров стран Центральной Азии о направлениях инвестиционной поддержки. Инвестиционные проекты, предлагаемые по линии США и ЕС, не отражают потребности выстраивания «горизонтальных» торгово-экономических связей между соседними странами и в среднесрочной перспективе ведут к усилению дифференциации национальных стратегических интересов государств центральноазиатского региона.

Трудности, характерные для проведения стратегической линии ЕврАзЭС в сфере водно-энергетического баланса Центральной Азии, носят многоплановый характер. Более того, многие связанные с ними вызовы возникнут на повестке дня и в случае активизации поисков многосторонних договоренностей в формате ШОС. Тем не менее, инициатива И. Каримова, выдвинутая им на Бишкекском Саммите ШОС (2007)²⁰, во-первых, существенно продлевает состояние status quo в водном вопросе, а, во-вторых, переводит гидроэнергетическую проблематику в плоскость преимущественно национального регулирования²¹. Новая переговорная площадка с участием Китая позволяет расширить спектр источников материальных средств для модернизации ирригационных систем центральноазиатских стран. С одной стороны, усиливаются предпосылки сдерживания экстенсивного роста регионального водопользования, а с другой, – весомость аргументов в пользу консервативных вариантов перевода гидроэнергетики «горных стран» на экспортные рельсы. Однако рост вовлеченности ШОС в процессы установления водноэнергетического баланса центральноазиатского региона не является решающим шагом к достижению стратегического прорыва. Ориентация правящих кругов и экспертного сообщества стран Центральной Азии на разные правовые модели регулирования трансграничного водопользования остается формальным и неформальным препятствием для достижения многосторонних договоренностей в краткосрочной перспективе²².

В контексте вышеизложенного представляется целесообразным при разработке подходов по вопросу о будущей модели водно-энергетического баланса центральноазиатского региона проводить линию на поэтапное достижение двусторонних договоренностей центральноазиатских государств по стабильному регулированию режима Сыр-Дарьи и Ам-Дарьи, учитывая при этом важность экологических и социальных аргументов. Важно, что перспективы активизации ШОС в водноэнергетическом взаимодействии центральноазиатских стран выступают фактором ослабления напряженности между Узбекистаном и его «горными соседями», который необходимо использовать для оптимизации стратегических шагов по линии региональных интеграционных процессов. Необходимо также учитывать, что относительно взвешенная и проработанная по профильным вопросам позиция Казахстана, является привлекательной основой достижения регионального консенсуса, поскольку казахстанская сторона все более активно включается

Международные отношения

в «национализацию» своей доли региональных водных ресурсов. Одновременно активизация роли Казахстана ставит на повестку дня такую актуальную проблему, как расширение возможностей ЕврАзЭС в области организации профессиональной экспертизы технических вопросов водно-энергетического баланса Центральной Азии на основе расширения сотрудничества представителей среднего звена административного аппарата и специалистов-эксплуатационщиков стран региона.

II. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Внутренняя и внешняя стабильность центральноазиатского региона во многом зависят от того, насколько удастся отрегулировать территориальное размежевание, вызывающее постоянную напряженность в межэтнических и, соответственно, межгосударственных отношениях. И хотя до настоящего времени расположенным здесь государствам удавалось избегать кровавых вспышек насилия на этнонациональной почве, особенности их изначального формирования и социально-политического развития требуют повышенного внимания специалистов в области конфликтологии.

1. Этническая разнородность населения стран Центральной Азии

Современные центральноазиатские режимы характеризуются высокой фрагментарностью своей национальной базы. Хотя титульное население Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана преобладает по сравнению с другими центральноазиатскими народами, проживающими в этих странах, национальные меньшинства повсеместно составляют большие по численности группы и являются сегментами разделенных международными границами этносов³³.

В настоящее время в Центральной Азии существуют около десятка потенциально опасных очагов конфликтов с этническим компонентом, основные из которых сосредоточены в Ошской, Ферганской и Ходжентской зонах. Характерно, что конфликты такого рода, имевшие место в постсоветский период, неизменно демонстрировали высокую степень неформальной самоорганизации участников, что свидетельствует о значительных возможностях управления этнической лояльностью населения не только в основных зонах межэтнической напряженности, но и в других районах. Тем не менее историческая дифференциация ареалов проживания титульного большинства и национальных меньшинств, особенности роли среднего звена этнической элиты в формировании массового поведения различных

центральноазиатских народов и неравномерность влияния исламского универсализма создают существенные препятствия для распространения спонтанных межнациональных конфликтов, исключают «эффект домино» в развитии любых локальных очагов нестабильности.

Более значимыми с точки зрения региональной ситуации являются риски направленного использования межнациональных конфликтов. Дело в том, что баланс этнополитических сил, закрепленный посредством административно-территориального деления современной Центральной Азии, строится на ограничении роли главных сегментов субэтнического деления титульного населения, а связанные с ними клановые группировки занимают относительно подчиненное положение в среде правящей элиты. Однако в последние десятилетия их исторические амбиции неуклонно активизируются, что ведет к стремлению использовать межнациональные конфликты в качестве дополнительного аргумента в борьбе со своими конкурентами. В контексте периодических обострений клановой борьбы, нельзя исключить и попыток инициации межэтнического насилия, которые могут стать следствием раскола президентских команд. В этой связи условия поддержания этнополитической стабильности центральноазиатских обществ зависят одновременно как от отношений между этническим большинством и этническими меньшинствами, так и внутри главного этнонационального ядра государственной консолидации.

Тем не менее в целом процессы консолидации постсоветской государственности в Центральной Азии тормозятся, но не блокируются реалиями этнических противоречий, а территориальное размежевание стало одним из направлений международного переговорного взаимодействия, закрепляющего действующие границы между всеми странами региона.

2. Риски узбекского приграничья

Узбекистан является формально одной из наиболее однородных в этническом плане стран Центральной Азии. Однако с учетом наличия на его территории нескольких значительных диаспор, стабильность межэтнических отношений в крупнейшем центральноазиатском государстве требует постоянного внимания. Положение дел дополнительно осложняется сохранением конкуренции между областями, исторически входившими в Бухарский эмират и Кокандское ханство, проекцией этих противоречий на представителей узбекского этноса, проживающих в сопредельных с Узбекистаном странах. Необходимо также подчеркнуть, что узбеки, разделенные региональными государственными

границами, составляют значительную часть населения Таджикистана и Киргизии, играют заметную роль среди национальных меньшинств Туркмении и Казахстана. Поэтому в целом периметр границ Узбекистана находится в фокусе противоречий национальной консолидации всех ведущих групп титульного населения стран Центральной Азии.

Часть конфликтов, существующих в узбекском приграничье, протекают на бытовом уровне в латентном виде, часть из них проявляется в межгосударственных отношениях. Известна практика узбекских властей по минированию своих границ, которая оправдывается недостаточной готовностью Таджикистана и Киргизии противостоять вылазкам вооруженных исламистов. Кроме того, камнем преткновения повсеместно служит отсутствие налаженной системы сотрудничества пограничных и таможенных служб Узбекистана и соседних стран, что особенно остро сказывается на экспорте аграрной продукции, борьбе с наркотрафиком и многостороннем регулировании миграции. Хотя в первой половине нынешнего десятилетия Узбекистану удалось добиться разрешения территориальных проблем с Туркменией и Казахстаном, однако процесс делимитации киргизско-узбекской и таджикско-узбекской границ фактически остается замороженным. Учитывая, что речь идет в основном о спорных территориях в зоне Ферганской долины, являющейся крупнейшим очагом социально-политических рисков в Центральной Азии, а Узбекистан и его партнеры по переговорам ориентируются на различные правовые основания делимитации границ, реальное ослабление напряженности в ближайшем будущем остается под вопросом.

Переплетение межэтнических и территориальных противоречий в узбекском приграничье обуславливает продолжение жесткой стратегии руководства Узбекистана в вопросах профильного регионального сотрудничества. Наступательная линия позволяет ему не только позиционировать себя как символ консолидации узбекской нации, но и избегать нарушения баланса ведущих группировок этнополитической элиты страны в лице самаркандского и ташкентского кланов.

3. Южный азимут регионального развития

В свете перспектив участия центральноазиатских стран в афганском урегулировании межэтнические противоречия и территориальные проблемы постсоветского периода приобретают новое измерение. Открытие южных транспортных коридоров и функционирование «северной сети доставки» усиливают возможности регионального влияния Узбекистана за счет углубления связей с узбекским населением на севере Афганистана и

Таджикистана. Однако в целом изменения системы конфликтных рисков в зоне узбекского приграничья не произойдет. Напряженность вокруг этнических анклавов и отмеченный исламизмом комплекс социально-политических противоречий в центральных районах Ферганской долины, останутся в обозримом будущем источниками повышенной опасности регионального уровня.

Помимо усиления региональных позиций Узбекистана, афганские перспективы обуславливают и другие сдвиги в соотношении центральноазиатских политических сил. Объективное расширение вовлеченности всех стран Центральной Азии в международные проекты на афганской территории создает дополнительные предпосылки для консолидации этнополитической элиты южных сегментов их титульного населения. Собственно говоря, тенденции такой консолидации обозначились еще в конце советского периода и особенно наглядно проявились в Таджикистане и Киргизии. Повышение значимости периферийных звеньев центральноазиатских элит в политическом процессе чревато всплесками насилия против национальных меньшинств, аналогичных инцидентам 2006 и 2007 годов в Казахстане. Кроме того, оно ведет к сохранению расхождений центральноазиатских государств относительно приоритетов интеграционного партнерства и сужает области достижения компромиссов по важнейшим проблемам в сфере управления трансграничными ресурсами.

Таким образом, рост значимости южного азимута международного сотрудничества стран Центральной Азии не снимает с региональной повестки дня межэтнические и пограничные противоречия. Эти противоречия будут сохраняться в среднесрочной перспективе, тем более что окончательный этнополитический баланс афганской государственности, в том числе на сопредельных с Центральной Азией территориях, еще не установился.

Межэтнические отношения и вопросы территориального размежевания в Центральной Азии заметно влияют на развитие регионального сотрудничества. Эти характеристики регионального развития представляют собой все более самостоятельные и лишь частично пересекающиеся области внутренней и внешней политики центральноазиатских стран. По мере консолидации постсоветской государственности острота их проблематики в целом постепенно снижается, хотя в ряде густонаселенных приграничных зон сохраняется неустойчивая обстановка. Количество «зон повышенного риска», к которым относятся в первую очередь Ошская, Ферганская и Ходжентская,

---

Международные отношения

вряд ли удастся сократить в пределах среднесрочной перспективы в силу многослойного переплетения социальных и политических противоречий, которые опосредуют их существование. В этой связи актуальной задачей является совершенствование профильного мониторинга развития межэтнического взаимодействия и усиление внимания к обеспечению нормальной экономической деятельности жителей приграничных районов Киргизии и Таджикистана.

В официальных программах обеспечения межнационального (межкультурного) и межконфессионального согласия, принятых в большинстве центральноазиатских стран, отсутствует ряд базовых предпосылок отхода постсоветских режимов от этнократической политики и, следовательно, они не содержат реальных гарантий предотвращения межнациональных конфликтов. Представляется, что в современных условиях центральноазиатского региона одной из важнейших гарантий такого рода могли бы стать шаги по поддержке русского языка как языка межкультурного и межкультурного взаимодействия всех групп и слоев населения.

Афганский азимут международного сотрудничества стран Центральной Азии в краткосрочной перспективе существенно не влияет на конфигурацию межнациональных и территориальных противоречий в регионе. Однако за пределами краткосрочной перспективы это влияние будет усиливаться.

III. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

По масштабам международных миграций постсоветское пространство находится на втором месте в мире после США⁴⁴. При этом с середины нынешнего десятилетия примерно половина трансграничных людских потоков в СНГ состоит из жителей центральноазиатского региона, прибывающих на территорию РФ.

1. Перспективы миграционного потенциала стран Центральной Азии

По авторитетным экспертным оценкам процессы массового перемещения людей в Центральноазиатском регионе ежегодно охватывают от 3 до 4 млн человек, или более 15% трудоспособного населения. Внешние миграционные потоки заблокированы только в Туркмении, однако и в этом случае эксперты говорят о десятках тысяч человек⁴⁵. В целом примерно 80% центральноазиатских трудовых мигрантов (3—3,5 млн чел) прибывают на территорию России, причем менее половины из них работает на легальных основаниях.

В условиях современного кризиса численность трудовых мигрантов из Центральной Азии в России сократилась не столь значительно, как, например, из Молдавии или Украины, а денежные переводы, отправляемые ими на родину, в отдельных случаях даже возросли⁴⁶. Характерно, что, несмотря на меры по повышению эффективности миграционной политики в рамках СНГ, предпринимаемые с 2006 года на многосторонней основе, и активные действия российских профильных структур, ситуация с центральноазиатскими мигрантами остается сложной, о чем свидетельствуют варьирующиеся статистические данные, приводимые в выступлениях официальных лиц. В целом, большая часть выходцев из Центральной Азии находится на территории России по-прежнему нелегально, причем значительные группы таджикских и узбекских рабочих переместились из крупных городов, в частности таких, как Москва и Санкт-Петербург, в российскую глубинку.

Таким образом, хотя в последнее время экстенсивный рост массы центральноазиатских мигрантов приостановился, но проблема регулирования процессов трудовой миграции из Центральной Азии остается нерешенной. Главными вызовом, на этом направлении выступает отсутствие легального статуса у полутора—двух миллионов иностранных граждан на территории РФ. Одновременно численность каждой из центральноазиатских диаспор предполагает их дальнейшее, хотя и более медленное, чем в предыдущий период, увеличение, что будет иметь негативные последствия не только для российского общества, но и для центральноазиатских государств, поскольку в среде диаспор действуют представители исламистов.

2. Особенности подходов центральноазиатских государств к проблемам трудовой миграции

Вызовы, связанные с процессами трудовой миграции, являются отражением системных противоречий центральноазиатского региона и лишь частично могут быть смягчены политико-административным путем. Тем не менее важным положительным моментом является увеличение в последние два-три года внимания руководства всех центральноазиатских государств, прежде всего Казахстана и Киргизии, к оптимизации ведомственного контроля в сфере трансграничных миграционных процессов. Однако развитие внутрирегиональной координации действий центральноазиатских стран фактически не происходит, а относительно регулярные контакты поддерживаются лишь между Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Что касается российского вектора, то институционализация межгосударственного сотрудничества в области миграционной политики была достигнута только во взаимодействии России и Узбекистана, которые к настоящему времени ратифицировали три специальных соглашения относительно борьбы с нелегальной миграцией, положения трудовых мигрантов, а также их реадмиссии. Киргизское и Таджикское руководство, признавая остроту миграционной проблематики, стремятся, во-первых, не форсировать сдерживание миграционных процессов, в которые вовлечены граждане их стран, а, во-вторых, добиваться специальных решений по увеличению квот для трудовых мигрантов в различных российских регионах. Казахстан со своей стороны сосредотачивает главное внимание на процессах локальной миграции в южных приграничных регионах, которые рассматриваются в контексте обеспечения территориальной целостности страны.

Таким образом, несмотря на преодолении общей пассивности подходов центральноазиатских государств к проблемам регулирования трудовой миграции, их позиции в целом таковы, что основное бремя решения практических вопросов ложится на Россию. Спектр этих вопросов все больше дифференцируется, поскольку с одной стороны, он отражает значительные различия позиций центральноазиатских стран, а с другой – опыт более двух десятков территориальных субъектов РФ, где локализованы трудовые мигранты из центральноазиатского региона. Необходимо также подчеркнуть, что ни одна из стран Центральной Азии, в том числе Казахстан и Узбекистан пока не приступила к проведению ответственной социальной политики, которая отвечала бы потребностям трудоустройства быстро растущего населения.

3. Рост негативного влияния центральноазиатских миграционных процессов на пространстве СНГ

Миграционные процессы смягчали до недавнего времени социально-политические последствия кризисного развития большинства стран Центральной Азии. Однако во всех случаях миграционные потоки не решили ключевых проблем центральноазиатских обществ, а во многом даже подорвали перспективы обеспечения их устойчивого развития. В частности постоянный отток до половины мужского населения Таджикистана и около трети Киргизии блокирует функционирование реального производственного сектора как основы общественной безопасности. Кроме того, миграционные процессы в странах Центральной Азии повсеместно сформировали

сетевые структуры взаимодействия экспортеров и импортеров рабочей силы, которые по своему характеру выходят за рамки обычной хозяйственной деятельности. В этой связи все большее значение приобретает влияние клановых группировок, участвующих в «экспортно-импортных» поставках рабочей силы на уровне конкретных регионов каждой страны и находящихся в своем большинстве вне контроля со стороны представителей президентских команд.

Рост негативных явлений, связанных с трудовыми мигрантами из Центральной Азии, наблюдается и в российском контексте. Помимо традиционных криминальных вызовов, обусловленных, прежде всего, увеличением незаконного оборота наркотиков, постоянное пребывание больших инокультурных групп людей ухудшает управление на базовом уровне общественной системы. За последние годы центральноазиатские мигранты укрепили свою роль в качестве одного из наиболее устойчивых сегментов теневой занятости, причем не только в крупных, но и в периферийных городах РФ. При этом тенденция перераспределения ресурсов, извлекаемых на основе нелегальных трудовых отношений в пользу представителей центральноазиатских диаспор, часто лежит в основе локальных всплесков ксенофобии. Кроме того, центральноазиатский коридор» открыл доступ на российскую территорию для большого числа мигрантов-нелегалов из дальнего зарубежья, а проблема мигрантов в целом стала популярным аргументом российских политиков, апеллирующих к протестному потенциалу населения.

Таким образом, численность перемещаемых трудовых ресурсов Центральноазиатского региона и отсутствие эффективного контроля над их потоками усиливает противоречия между текущими и стратегическими задачами государственного управления на пространстве СНГ. Труд мигрантов вносит заметный вклад в решение хозяйственных задач, как направляющих, так и принимающих стран, однако система противодействия негативным последствиям миграционных потоков пока является недостаточно эффективной. Эта система вряд ли сможет стать в ближайшее время основой для преодоления миграционных рисков на пространстве СНГ, поскольку управление миграционными процессами формируется главным образом за счет российских усилий.

Форматы управления миграционными процессами на постсоветском пространстве находятся в стадии становления. При этом остаются реальными перспективы сохранения значительного потока как легальных, так и нелегальных мигрантов

Международные отношения

из центральноазиатского региона, который в течение ближайших трех—пяти лет может достигнуть примерно шести—семи миллионов человек, постоянно находящихся за пределами своих стран. В этой связи необходимо уделить дополнительное внимание налаживанию диалога центральноазиатских государств вопросам внутрирегиональной трудовой миграции, сделав акцент на разработку мер поддержки сезонным мигрантам. Что касается российской политики сотрудничества со странами Центральной Азии, то актуальным выступает вопрос о включении в качестве самостоятельного пункта повестки дня расширения преподавания русского языка в среде титульного населения.

* * *

Водохозяйственные, территориальные и миграционные реалии регионального развития в Центральной Азии имеют значительную международную проекцию. К настоящему времени в Центральной Азии сложилось несколько форматов международного сотрудничества, включающих как двусторонние, так и многосторонние отношения региональных и нерегionalных партнеров. Они опираются на разноплановые модели взаимодействия, многие из которых находятся в стадии становления, и, следовательно, с одной стороны, временно не несут полной функциональной нагрузки, а с другой – периодически конкурируют друг другом. Важным является также и то, что ситуация в Афганистане и вокруг него объективно расширяет рамки безопасности в Центральноазиатском регионе, традиционно

рассматривавшемся только как часть постсоветского пространства. Она влияет также на повседневную политику руководства Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана – стран, которые разделяют многие международные риски сотрудничества с новым партнером. В этом контексте возрастает необходимость сочетания трансграничных стратегий по борьбе с наркоугрозой, терроризмом, религиозным экстремизмом и другими аналогичными вызовами с разработкой комплексных решений, обеспечивающих рост реального сектора экономики сопредельных с Афганистаном центральноазиатских государств. Без ориентации на разностороннее, а не только сырьевое развитие их производственных систем трудно ожидать, что обстановка в Центральной Азии станет в обозримом будущем стабильной и предсказуемой.

Kseniya P. Borishpolets. Central Asia as a regional project

It is argued in the article that the multi-vector realities of regional development in Central Asia have a significant international dimension. The author analyses the formats of international cooperation in the region consisting of bilateral as well as multilateral relations of partners from the region and outside the region.

Ключевые слова

Центральная Азия, водохозяйственные проблемы, миграционные процессы, межэтнические отношения

Keywords

Central Asia, water resources problem, migration processes, interethnic relations

1. На проходившем в 2007 году в Брюсселе под эгидой ООН заседании Межправительственной группы по борьбе с изменениями климата был озвучен прогноз о том, что к 2100 году температура на Земле в зависимости от сценариев демографического и экономического роста повысится на 2—4°C. В связи с этим эксперты предупреждают, что во второй половине нынешнего столетия 1—3 млрд чел. начнут испытывать ощутимую нехватку воды. Следовательно, конкуренция за водные ресурсы в обозримом будущем будет нарастать и не исключает возникновения вооруженных конфликтов. Кроме того, согласно приводимым в докладе ПРООН за 2006 год данным, 39 стран мира получают большую часть необходимой им воды из источников, расположенных за пределами их территорий. Среди них – Азербайджан, Латвия, Словакия, Узбекистан, Украина, Хорватия, Израиль, Молдавия, Румыния и Туркмения. Доклад обращает внимание на то, что на Земле достаточно воды, чтобы удовлетворить нужды всего человечества. Однако 1 млрд чел. не имеет доступа к чистой питьевой воде.
2. Детальные характеристики номенклатуры водных ресурсов бассейна Аральского моря, к которому относится большинство водных артерий Центральной Азии // [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.cawaterinfo.net/aryl/index.htm>
3. В состав водохозяйственного комплекса входит такое уникальное водохранилище как Токтогульское с объемом 19 км³, Чарвакский, Андижанский и Нурекский гидроузлы плотинами высотой 100—350 м, крупнейший в мире самотечный Каракумский канал протяженностью в 1 400 км и с расходом воды 600 м³, уникальные каскады машинных каналов, включая Каршинский с расходом в 350 м³ и высотой подъема в 180 м, и другие. Общее количество водохранилищ с объемом более 100 млн м³ – 80. Общая емкость водохранилищ – 60 км³ // [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.cawater-info.net/aryl/figures.htm>
4. Гидрологические исследования в Центральной Азии показали наличие значительных запасов подземных вод в виде пото-

- ков грунтовых вод, огромных линз пресных вод и артезианских бассейнов. В некоторых случаях орошение подземными водами оказывается дешевле, чем орошение поверхностными водами, однако чаще освоение ресурсов подземных вод требует существенных капитальных и текущих (энергообеспечение подъема воды на поверхность) затрат / Актуальные вопросы использования водных ресурсов в странах Центральной Азии // [Сетевой ресурс]. URL: http://www.duma.gov.ru/cnature/expert_info/analit_vodresurs.htm
5. Мироненков А.П., Сарсембеков Т.Т. Дорожная карта создания механизма взаимодействия государств-членов ЕврАзЭС в водно-энергетическом регулировании в Центральной Азии // [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=2007040101430997&mode=print>
  6. Гидрологические исследования в Центральной Азии показали наличие значительных запасов подземных вод в виде потоков грунтовых вод, огромных линз пресных вод и артезианских бассейнов. В некоторых случаях орошение подземными водами оказывается дешевле, чем орошение поверхностными водами, однако чаще освоение ресурсов подземных вод требует существенных капитальных и текущих (энергообеспечение подъема воды на поверхность) затрат / Актуальные вопросы использования водных ресурсов в странах Центральной Азии // [Сетевой ресурс]. URL: http://www.duma.gov.ru/cnature/expert_info/analit_vodresurs.htm
  7. Экономически обоснованный гидроэнергетический потенциал стран Центральной Азии оценивается в 173 млрд кВтч/год, из которых на Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению приходится 84%. Фактический уровень использования гидроэнергетического потенциала невелик и составляет примерно 14—18%. Для сравнения, в Центральных районах Европейской части России, в Поволжье и на Урале соответствующий уровень освоенности составляет примерно 70% / Актуальные вопросы использования водных ресурсов в странах Центральной Азии // [Сетевой ресурс]. URL: http://www.duma.gov.ru/cnature/expert_info/analit_vodresurs.htm
  8. [Сетевой ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytics/publication/publication_15.html
  9. См., например, «Технические решения политических проблем». Редакционная статья «Эксперт Казахстан». № 14(116) -09.04-16-04. 07 // [Сетевой ресурс]. URL: http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2007/14/vodnye_resursy_editorial
  10. [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/871998.html>
  11. См. например, Аскоров А. Даст ли ООН Добро? // [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=128003-02/03/2009>
  12. Боришполец К., Бабаджанов А. Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества / Аналитические записки МГИМО (У) МИД России. Вып. 9(29). Декабрь 2007. С. 12.
  13. В Киргизии и Казахстане титульная нация находится в незначительном большинстве. Наиболее распространенной за пределами «своего» государства нацией являются узбеки, диаспора которых в двух случаях является крупнейшей из нацменьшинств (Таджикистан, Туркмения), в двух других случаях (Киргизия и Казахстан) является крупнейшей из диаспор собственно центральноазиатских народов. По экспертным оценкам 50% населения приграничных районов Киргизии – узбеки, почти столько же в ряде киргизских приграничных районов составляют таджики.
  14. До кризиса, по оценкам экспертов, только на территории России одновременно находились до 10 млн гастарбайтеров, в настоящее время их число составляет более 5 млн чел. Источник: [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.vesti.uz/culture/education/article/18841>. 21.05.2009 г.
  15. Миграционная картина в Центральноазиатском регионе является очень неоднородной. Основными направляющими государствами выступают Таджикистан, Киргизия и Узбекистан (до миллиона внешних мигрантов ежегодно), а Казахстан принимает более 20% от общего числа трудовых мигрантов из соседних стран и одновременно направляет в Россию и другие постсоветские государства не менее ста тысяч мигрантов ежегодно. Кроме того, страны Центральной Азии находятся на различных стадиях разработки миграционного законодательства, которое отличается незавершенностью, а в Туркмении практически отсутствует.
  16. Официально считается, что с начала текущего года объем денежных средств от трудовых мигрантов из России, пересылаемых в страны Центральной Азии, снизился на 30%. Источник: [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.vesti.uz/culture/education/article/18841>. 21.05.2009. Однако по другим данным, в частности по информации ЦБ, во втором квартале 2009 года иностранные граждане перевели в Таджикистан и Узбекистан – \$212 и \$179 и миллионов соответственно. При этом узбекские гастарбайтеры стали переводить на родину в 1,6 раза больше денег, чем в 2007—2008 годах. См.: [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.24.kg/cis/62619-kyrgyzstan-vxodit-v-desyatku-stran-kuda.html>